

На правах рукописи

САРАБЬЕВ Алексей Викторович

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СИРИИ И ЛИВАНЕ (С НАЧАЛА ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ
ДО КОНЦА XX В.)**

**Специальность 07.00.03 – Всеобщая история.
(Новое и новейшее время)**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва 2022

Работа выполнена в Центре арабских и исламских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

Косач Григорий Григорьевич,
доктор исторических наук, профессор Кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики ФГБОУ ВО Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор Кафедры востоковедения ФГАОУ ВО Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России;

Филин Никита Александрович,
доктор исторических наук, доцент, заведующий Кафедрой современного Востока Факультета истории, политологии и права ФГБОУ ВО Российского государственного гуманитарного университета.

Ведущая организация:

ФГБНУ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук.

Защита диссертации состоится «   » _____ 2022 г. в 11.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.042.04 по историческим и политическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте востоковедения Российской академии наук по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке при Институте востоковедения РАН по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 и на сайте Института: www.ivran.ru.

Автореферат разослан «   » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Шарипова Р.М.

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Общественные явления на Ближнем Востоке так или иначе оказываются связанными со сферой межконфессиональных отношений. При этом явления не обязательно обусловлены заметными изменениями в этой сфере, которые, в свою очередь, не всегда сводятся к обострению взаимоотношений. Ближневосточные религиозные общины целесообразно рассматривать в качестве аспекта социальных отношений вообще – динамичных и многоплановых. Они обладают определенной инерцией, особенно в условиях традиционных обществ региона. В настоящее время, тем не менее, все больше говорят о глубоких социальных трансформациях в ближневосточных социумах, связанных как с продолжающимися уже десятилетия процессами, так и сравнительно новыми феноменами. Ведущим направлением изменений в Ближневосточном регионе становится универсализация явлений, которая по-разному проявляется как в религиозной жизни общин и их взаимоотношениях, так и влияет на общественно-политический и экономический региональный контекст. Универсализация включает в себя и элементы проявлявшейся на Ближнем Востоке и в Северной Африке глобализации (книгу об этом опубликовал в 2020 г. заслуженный востоковед К.М. Труевцев), и сближение моделей социальных трансформаций, и нарастающие синкретизм и глобальная общность массовой культуры, и объединительные тенденции в религиозной области – от экуменизма до распространения культурно-выхолощенных «харизматических» движений. (Об этом как доминирующем направлении современной десекуляризации ярко пишет профессор И.В. Следзевский.)

В оценках значения религиозной составляющей общественных изменений прослеживаются значительные расхождения. Они бывают вызваны разными акцентами на многочисленных тенденциях, которые имеют разные, подчас встречные направления. Социальная роль религии оценивается многими как убывающая, ее замещает секуляризм и даже либертатизм (освобождение от якобы отживших норм этической регуляции). Иные полагают, что религиозный фактор в своем новом (как его называют, постсекулярном) изводе, напротив, все больше доминирует в арабском мире, и делают выводы о религиозных аргументах в проявлениях региональной конкуренции в политико-экономической сфере (суннито-шиитские противоречия в целом, а также более узко: усложнение проблематики суннито-алавитских взаимоотношений, борьба ваххабитов с хуситами и т.п.).

Безусловно, на слуху исламистский дискурс террористических организаций, а также экстремистов разных толков, и зачастую этот псевдорелигиозный дискурс затеняет проблематику обычной борьбы за власть раз-

ных кругов (от националистических до универсалистских, от мотивированных интересами своих религиозных общин до движимых чисто светскими мотивами).

Напряженный поиск религиозных факторов конфликтов может увести исследователя в сторону от выявления вполне тривиальных причин (экономической конкуренции, политического соперничества и т.д.) проблемных ситуаций разных масштабов на Ближнем Востоке. Тем не менее, важнейшим для рассмотрения остается факт тесной связи религиозного самовосприятия членов конфессиональных общин и их политического участия, отстаивания своих прав в том, что касается доступа к социальной поддержке, образованию, здравоохранению, возможности трудоустройства, реализации предпринимательских инициатив и вообще, прав на активное участие в экономической жизни.

У такой конфессиональной привязки есть множество противников, которые считают, что связь принадлежности к определенной общине с политическими правами и социальными возможностями противоречит принципам равноправия и народовластия, что она абсолютно не соответствует нынешнему уровню общественного сознания. Это находит свое отражение в предлагаемых мерах по устранению элементов политического конфессионализма (*таифийя*), в частности таких, как квотирование в органах государственного управления на основе вероисповедания.

Особенно эмоционально эти идеи выражались в разгар широкой протестной волны, захватившей в том числе Ливан с октября 2019 г. Они же легли в основу требований участников социальных протестов по всей стране. Солидаризация представителей разных религиозных общин во имя общих целей показала, насколько реальные хозяйственные и общественные проблемы граждан для них важнее пресловутого замыкания во внутриконфессиональных границах, насколько политическая конкуренция их конфессионально-партийных представителей увела ливанскую политическую арену далеко в сторону от народных требований справедливого политического участия.

В последние годы разные научные направления, хотя и каждое по-своему, но важное значение придают самовосприятию, или идентичности социальных групп, разница в которой обуславливает многое в общественном сознании населения отдельного национального государства. (На эту тему в 2020 г. коллективом коллег-востоковедов была опубликована монография: «Ближний Восток: политика и идентичность», отв. ред. И.Д. Звягельская) Идентичность имеет разные уровни, накладывающиеся друг на друга или сталкивающиеся между собой: региональная (например, ближневосточная), общенациональная (например, арабская, еврейская, курдская), страновая, религиозно-конфессиональная, племенная, локально-общинная и даже клановая. На протяжении десятков лет существования независимых государств Ближнего Востока происходят изменения в эле-

ментах, составляющих идентичность жителей региона, что влияет, в свою очередь, на взаимоотношения как между конфессиональными общинами, так и внутри них.

Изучение в историческом ключе ближневосточных реалий, связанных так или иначе с отношением друг к другу религиозно-конфессиональных общин и их членов, сегодня особенно актуально. Причины многих нынешних противоречий коренятся в событиях прошлых лет, иногда весьма отдаленных от нас. Например, невозможно понять амбиции усиливающейся шиитской общины Ливана без обращения к тому времени, когда ливанские шииты безуспешно требовали справедливого распределения бюджетных средств на развитие своих отсталых во многих отношениях районов (40-е годы XX в.). Сложно также установить степень остроты проблемы сокращения на Ближнем Востоке христианских общин сегодня, если не принимать во внимание документальные свидетельства самого начала 60-х годов XX в., где эта проблема уже звучала – в связи с эмиграцией или падением их политического статуса. Острейший вопрос мусульманского экстремизма, борьба с которым обусловила развитие региональной ситуации в последние годы, также зародилась многие десятилетия назад, так что без обращения к его корням, к истории противодействия ему невозможно верно оценить подпитывающие проблему факторы – для того, чтобы работать с причинами, а не следствием.

Актуальность представляемого исследования обусловлена той несомненной взаимосвязью, которая существует между нынешними ближневосточными реалиями и явлениями в области межконфессиональных отношений, имевшими место в XX в., и которая раскрывается на протяжении всей работы. Предложенный автором комплексный подход и его применение для оценки социально-политических явлений в современных Сирии и Ливане вполне вписывается в русло пристального внимания к этим странам со стороны ведущих мировых держав и международных организаций в контексте подъема религиозного активизма. Непосредственное участие российских ВКС в установлении безопасности в Сирии и активная позиция российских компаний в деле участия в экономических проектах в Ливане требуют адекватного представления о социальной ситуации и возможных рисках, связанных с конкуренцией разных социальных сегментов, в том числе конфессиональных общин.

Особенную остроту вопросу придает религиозный экстремизм и терроризм в религиозном облики. В этом моменте тема работы обусловлена необходимостью научного подхода к проблеме экстремизма в связи с задачей обеспечения безопасности нашей страны. Исторический анализ религиозного фактора и вообще межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане способствует формированию требуемого адекватного представления о причинах религиозного экстремизма, его движущих силах, социаль-

ной базе, возможных последствиях и эффективных мерах его предотвращения.

Кроме того, беспристрастный взгляд на исторические события XX века, подкрепленный внимательным прочтением множества исторических документальных свидетельств, может являться надежным щитом против той политически обусловленной риторики и пропагандистских ходов, которые призваны обосновывать военные инициативы внешних сил или же подкреплять политические проекты, идущие вразрез с глубинными интересами самих сирийцев и ливанцев.

Все перечисленные моменты определяют высокую актуальность представляемого исторического исследования, даже несмотря на то, что его верхняя хронологическая граница отстоит от нашего времени на два десятилетия.

Поэтому свою **цель** автор видит в том, чтобы в ходе исторического анализа межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане установить причины проблем в этой области, в том числе выявить долю в социальных проблемах религиозного фактора, его соотношение с остальными внутренними и внешними факторами.

Среди своих **задач** автор видит следующие:

- определить узловые моменты их истории, повлиявшие на принципиальное изменение взаимоотношений между религиозными общинами;
- установить основные проблемные области этих взаимоотношений по внутренним социальным границам – как между самими общинами, так и между иными группами, образованными поверх таких границ (особенно альянсов на основе идеологии);
- выявить степень влияния внутренних (экономических, социально-психологических, внутривосточных) и внешних факторов (региональной конкуренции, влиятельных транснациональных идеологических течений, арабо-израильской проблемы, интересов мировых держав);
- разделить составные элементы сложных явлений в жизни независимых Ливана и Сирии XX в., за которыми закрепились стереотипные характеристики как порожденных межконфессиональными противоречиями;
- опираясь, по возможности, на документальные данные, по-своему интерпретировать исторические события, связанные с борьбой разных конфессионально-маркированных групп – с привлечением элементов социологических теорий.

Объектами диссертационного исследования являются конфессиональные общины как составляющие социумов двух независимых стран Ближнего Востока – Ливана и Сирии. В этом качестве они предстают в своих проявлениях в исторических фактах и явлениях, а в общем смысле – в своем социальном действии в историческом ключе. **Предметом** же исследования являются их взаимоотношения. Поскольку община в условиях иноконфессионального окружения бывает связана с единоверцами в стра-

нах региона, то анализ конфессий, имеющих общины и в Сирии, и в Ливане не только в рамках национального государства, а и в рамках значительной части Леванта, вполне обоснован.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя историко-генетический принцип и элементы структурного анализа. Автор исследует причины, порождающие проблемы в межконфессиональных отношениях, которые залегают не в пресловутых имманентных противоречиях между религиозными общинами и вовсе не в «национальной психологии», но в социально-политических сдвигах, вызываемых региональной или даже общемировой повесткой. В условиях многоконфессионального общества отдельные общины на протяжении истории выработали такое качество, как приспособляемость к жизни в окружении соотечественников с иным вероисповеданием. Общенациональная (или общая локальная) идентичность в некоторые периоды истории заслоняла собой культурные особенности и социальные претензии, связанные с исповеданием веры, отличным от других сограждан. Как правило именно возбуждающие внешние факторы обостряли в такие периоды вопросы этих особенностей и претензий, выводили конфессиональную идентичность на первый план. Выявить факторы, порождающие связанные с этим проблемы, и помогает историко-генетический принцип.

С большой осторожностью автор подходит к использованию в историческом исследовании элементов антропологических и социологических теорий. О таящихся в таком сочетании «подводных камней» предупреждает авторитетнейший ученый-историк Л.Б. Алаев¹, когда пишет о подходах разных наук, в частности, к социальному развитию. И все же применение некоторых методов «родственных» общественных наук, по мнению автора, допустимо в изучении истории восточных обществ.

Как в свое время в культурной антропологии «деконструктивизм разрушил монополию на единственно верное истолкование»² явления, так в истории прием деконструкции вполне подходит для эвристически нового витка познания, для взгляда на известные исторические явления под иным углом зрения. С этой целью автор проводит историческую деконструкцию³ социально-политических явлений в Сирии и Ливане в означенный период, явлений очень сложных и многоплановых по своему характеру, включающих в себя сразу несколько составляющих. Большинство исторических фактов и рассматриваемых явлений были обусловлены целым набором причин и запускающих механизмов, но конфессиональная проблематика, ввиду своей яркости, в глазах наблюдателя или историка нередко заслоня-

---

¹ Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. М.: Ленанд, 2019. С. 81–84.

² Гринин Л.Е., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. О методах исторического исследования // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. С. 389.

³ См., например: *The Yale critics: deconstruction in America* / Ed. by Jonathan Arac, Wlad Godzich, Wallace Martin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.

ет наиболее существенные причины. Для их вскрытия и применяется метод деконструкции.

Изучение Сирии и Ливана с их богатейшей историей и вкладом в мировую культуру требует деликатного подхода, тем более, когда речь идет о той стороне человеческих взаимоотношений, что касается религиозных феноменов. При исследовании этой проблематики требуется опора на базовые элементы уникальных местных религиозных культур и традиций. Этим обусловлено частое обращение автора к связанным с культурологией понятиям.

Кроме того, межконфессиональные отношения находятся во взаимозависимости с субъективным восприятием членами религиозных общин своего положения, и в первую очередь, в сравнении со своими соседями других вероисповеданий. Подобное сравнение нередко делается не в свою пользу, что неминуемо ведет к недовольству, причем источник собственных неудач удобнее всего связывается с происками представителей общин-конкурентов. Начиная с конца 50-х годов XX в. в направлении такого рода наблюдений разрабатывался целый веер гипотез, связанных с понятием депривации (обделённости). Варианты депривационной теории, изложенные в социологических работах ряда известных авторов, в том числе и современных, как представляется, достаточно хорошо объясняют причины исторических явлений, связанных со взаимодействием и противостоянием религиозных общин Ближнего Востока.

Этот методологический подход увязывает вместе психологическое состояние относительной депривации субъекта и деструктивные проявления протестующей толпы. Он позволяет уделять внимание не только социально-политическим процессам, движимым в том числе религиозными факторами, но и состоянию конкретных действующих лиц социальной коммуникации – собственно людей с их уникальным левантийским самовосприятием и идентичностью, взглядами на собственные традиции, религиозную иерархию, политическую систему и, наконец, на возможности улучшения своего благосостояния. Беспристрастный исторический анализ, дополненный социологической и социально-психологической теорией, стал для автора удачным подспорьем, ориентиром усилий историка в верном направлении.

В продолжение обращения к личным переживаниям носителей разных религиозных традиций (микроуровень исследования) автор основывается на мысли, что отношение человека к согражданам иной веры формируется на протяжении больших временных периодов, во многом являясь отражением культурно-исторической памяти. В этой связи приведем мнение отечественного ученого И.Н. Ионова, который, рассуждая о «потребности человека в позитивной идентичности», находит, что «проблема лежит глубже – в зависимости личности от собственных воспоминаний, которые позволяют ей идентифицировать себя как таковую... При этом в

формирование идентичности вплетены не только позитивные, но и негативные знания»⁴. В свою очередь, американский профессор А. Мегилл тоже ставил акцент на состоянии человека в его динамике, которое является производным от предшествующего исторического опыта и определяющим его актуальные и будущие взаимодействия в обществе. В своем интервью от 2009 г. он обосновывал такой микросоциологический аспект работы историков: «Представители исторической профессии в каждой стране должны быть внимательны к частной, приватной жизни людей, к реальному опыту людей прошлого и к нашей сопричастности этому опыту, каким бы негативным он ни был, и каким бы трудным ни был процесс понимания этого опыта»⁵.

Об этом же ранее писали историки Школы Анналов, в частности, Люсьен Февр: «Для историка нет человека вообще, а есть люди. Люди, особенности которых он всеми силами старается познать, установить их отличительные признаки – все то, чем они отличаются от нас, – люди, которые жили не так, как мы, чувствовали и действовали не так, как мы»⁶.

Применение в исторических работах релевантных методов исследования из смежных наук – своего рода методологический синкретизм – не слишком популярен у большинства нынешних историков, хотя выдающиеся ученые прошлого считали его очень продуктивным. Так, известный немецкий мыслитель Вильгельм Вундт, рассуждая о психологии масс, (*Völkerpsychologie*), считал, что ее «возможно изучать лишь синтетически, то есть применяя, сочетая и скрещивая различные научные подходы, которые существуют в лингвистике, истории искусства и истории религии, социологии, этнологии, просто истории и экономике»⁷.

Хронологические рамки представляемого исследования автор ограничивает тем периодом XX в., который можно назвать периодом независимости Сирии и Ливана в полном смысле слова. Следует оговориться, что нижняя граница весьма условна: общества этих стран, освободившиеся окончательно от присутствия французского контингента в 1946 г., еще за несколько лет до того события были полны предвкушения и готовились к нему, так что новые социальные процессы, соответственно, не получили резкого старта. Общественных потрясений, ожидаемых многими в регионе после ухода французов, покровительствовавших местным католикам-

---

⁴ Ионов И.Н. Формы исторической памяти и проблемы идентификации // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 38.

⁵ Мегилл, Аллан. Послесловие к русскому изданию // Доманска, Эва. Философия истории после постмодерна: [Интервью с Х.Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Е. Топольски, Й. Рюзенем и др.] / Пер. с англ.; ИФ РАН. М.: Канон+, 2010. С. 395.

⁶ Февр, Люсьен. Бои за историю / Пер. с франц. М.: Наука, 1991. – (Памятники исторической мысли). С. 283.

⁷ Эспань, Мишель. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. редакцией Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: НЛО, 2018. С. 652.

униатам, не последовало. На первом месте борьба за власть, причем политические силы, участвовавшие в ней, не имели тогда еще четких религиозно-конфессиональных характеристик. Поэтому явную точку отсчета исследуемого периода предполагается не обозначать четко: во всяком случае, это не дата заявления о намерениях администрации Анри Денца (июль 1941 г.) и не пафосное обещание генерала Жоржа Катру от имени движения Свободной Франции и его лидера Шарля де Голля (ноябрь 1943 г.), касавшиеся полной независимости подмандатных стран. Межконфессиональные отношения анализируются в данной работе с более реального в этом отношении момента – со времени напряженного ожидания долгожданного суверенитета обеих стран в год окончания Второй мировой войны.

Верхняя хронологическая граница исследования также не является четкой – в том смысле, что не обозначает окончание определенного периода развития сирийского и ливанского обществ. Отнесение ее автором к окончанию XX столетия является, тем самым, условным в смысле социальной истории, несмотря на то, что в 2000 году произошли важные политические события в обеих странах: в Сирии сменилось руководство страны и обозначился новый курс на взаимоотношения власти и общества («дамасская весна»), а в Ливане были освобождены оккупированные Израилем территории и форпосты на Юге, в то время как в палестинских лагерях стали явными отзвуки объявленной Соппротивлением «интифады Аль-Акса». И тем не менее, все эти политические явления не стали переломными для социумов и не обозначили новых поворотов в сфере межконфессиональных отношений в обеих странах.

Вообще, выделять периоды в развитии социальных отношений можно лишь очень условно (и в этом плане автор разделяет проблематику исторической периодизации внутри историко-генетического методологического подхода). Социальные сдвиги могут быть тесно связаны с политическими процессами или стадиями тех или иных конфликтов – острых столкновений интересов определенных кругов, чаще всего на Востоке представлявших свои общины или связанных с религиозными верхами. В этом случае временными вехами можно условно считать события политической или военной истории. Но чаще всего периодизация социальных отношений не представляется продуктивной уже в силу своей искусственности и когда обобщения оказываются односторонними, не учитывающими все многообразие аргументов – особенно в области социальной истории⁸.

Это наблюдение в отношении Сирии и Ливана подтверждается тем, что оба народа, составлявших некогда единую общность – фактически

---

⁸ Жак Ле Гофф предостерегал, что вынужденное деление истории общества на периоды включает в себе идею «перехода, поворота и даже отрицания общества и ценностей предыдущего периода». См.: Ле Гофф, Жак. Стоит ли резать историю на куски? / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2018. 188 с.

родственные – прошли сквозь особенные, почти не связанные друг с другом испытания и процессы в сферах экономики, идеологии, региональной политики и внешних связей (долговременное присутствие сирийского контингента в Ливане, конечно, далеко не сблизило общественные явления в обеих странах).

Очень разные судьбы сирийского и ливанского народов со второй половины XX в. подтверждают предположение, что корень якобы общих для большинства народов на Арабском Востоке общественных проблем лежит вовсе не в пресловутой конфессиональной дробности их сложных обществ. Он находится в сфере собственных, особых для каждой страны народных чаяний справедливости распределения социальных благ и политического участия, наиболее рельефно отражаемых как раз в общественно-религиозном дискурсе.

Исследование межконфессиональных отношений на арабском Востоке не может не носить исторического характера. Все нынешние социально-политические явления в рассматриваемых странах так или иначе коренятся в событиях и региональных тенденциях, имевших место еще десятилетия назад. Одни из этих исторических фактов и явлений охватывали сразу несколько ближневосточных многоконфессиональных государств, другие шли по границам лишь определенных конфессиональных общин внутри отдельной страны, а третьи были характерны для одного вероисповедания, но охватывали сразу несколько государств региона, где проживали его носители.

Это обстоятельство продиктовало особенность внутренней **структуры представленной работы**. Первая глава носит общий характер, в ней предлагается изложение авторского подхода к вопросу конфессиональных отношений в Леванте, подчеркивается его комплексность и предлагаются элементы социологической методологии. Вторая глава посвящена важным изменениям, наблюдавшимся в сирийском и ливанском обществах в постмандатный период. Проблемы взаимоотношений общин и особенностей их социально-политических повесток анализируются в последующих главах. При этом работа содержит в каждой из своих глав широкие обзоры региональных или страновых явлений, включавших или отразившихся на социальных отношениях представителей разных общин Сирии и Ливана. По мере необходимости, в отдельных подглавах характеризуются внутренние идейные течения и социальные процессы отдельных конфессиональных общин, что является не только важной детализацией их исторических вех, но и дополняет аргументацию к авторским обобщениям.

Итак, хронологические рамки исследования обозначены достаточно условно: работа охватывает период независимости обеих стран с его преодолением социальных кризисов, политическими трансформациями, экономическими феноменами и, конечно, вооруженными конфликтами, и ограничена только XX веком.

Исследование построено в значительной степени, по проблемному принципу, но анализируемые события располагаются в нем, по возможности, в хронологическом порядке. Первая и вторая главы работы посвящены общим вопросам, поэтому иногда упоминаемые в них события анализируются и в последующих главах – уже более подробно и в связи с определенными проблемами.

Исследования в области межконфессиональных отношений активно ведутся во многих странах мира. Их результаты оказываются весьма востребованными, особенно учитывая ту роль, которая отводится этой большой теме в современной аналитике и политическом дискурсе. Так что **научно-практическая значимость результатов** предлагаемого исследования может быть высокой как в силу актуальности самой проблематики и востребованности такого рода анализа, так и в силу фактологической и документальной обоснованности выводов. Помимо учебных дисциплин в рамках курсов подготовки востоковедов-арабистов, результаты работы могут заинтересовать аналитические структуры министерств и иных государственных структур, которые работают в странах Ближнего Востока. Как сами выводы, так и предлагаемые подходы могут быть использованы специалистами крупных российских компаний, которые планируют выполнять долгосрочные экономические проекты в Сирии и Ливане: успеху может способствовать знание местных социальных реалий, исторических предпосылок напряжений между социальными сегментами, разными политическими силами и деловыми кругами.

Непредвзятость подхода к теме в целом, опора на разработанные теории исторического процесса, применение некоторых методов науки об обществе и широкое использование доступных научных исследований, написанных с разных, порой диаметральных позиций, придают определенную объективность нашей работе. Обращение к многочисленным источникам (архивным материалам, историческим документам, дипломатической переписке, официальным заявлениям и программам, статистике и т.п.) также может с высокой степенью успеха послужить объективности выводов представляемого исследования и сделать его научно значимым.

Новизна работы обосновывается следующими соображениями.

1) Автор использует собственный комплексный подход, включающий в себя историко-генетический принцип, элементы структурного анализа, метод исторической деконструкции, применяет социологическую депривационную теорию, обращается к современным наработкам в изучении идентичности (религиозно-культурной, исторической, национальной, идеологической ее составляющим). Такое методологическое сочетание, а особенно повышенное внимание к динамике настроения конфессиональных общин и самовосприятия их членов (микроуровень), является новым в востоковедной науке.

2) Документальную и источниковую базу составляют в большом количестве материалы, не введенные до сих пор в научный оборот, или же обойденные вниманием отечественных исследователей. Впервые проблемы межконфессиональных отношений на Ближнем Востоке оцениваются с привлечением такой подборки архивных документов. Кроме того, в работе использованы многие ценные аналитические материалы советских и российских востоковедов – малоизвестные или незаслуженно забытые историками, поскольку входили ранее в фонды так называемого «специального хранения».

3) Исследование включает как общий анализ проблем межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане, так и взаимоотношения по границам их основных конфессиональных общин. До сих пор научные исследования касались лишь отдельных аспектов такого рода проблем или же положения только некоторых общин в иноверном окружении.

4) Наконец, проблематика исследования затрагивает аспекты взаимосвязи религиозного фактора социально-политических процессов с идеологическим (в историческом ключе) и внешнеполитическим (в его динамике), что также является новым в отечественном востоковедении.

Сравнительно недавно ставшие доступными документальные данные (к сожалению, пока в основном из западных источников) позволяют обоснованно стать на сторону многих оценок современников описываемых событий и неангажированных выводов историков, не всегда близких к современным взглядам на исторические факты и процессы в Сирии и Ливане тех лет. Представленные выводы касательно межконфессиональных отношений иногда даже могут показаться абсолютно новой интерпретацией событий истории Сирии и Ливана, но большой объем привлеченных к работе аналитических материалов и документов той поры позволяет утверждать, что многие из выводов автора сходны с теми, что делались в свое время не только известными учеными, но и дипломатами, государственными деятелями и практическими работниками разных стран – особенно для «внутреннего употребления», когда пропагандистская риторика могла только отвлекать их руководство от принятия взвешенных решений. Оценки, полученные автором, вполне верифицируются документами, где применялись подходы, совершенно отличные от авторского, где преследовались вполне практические цели, вызывавшие необходимость объективности взгляда.

Источниковая база исследования. Среди документов, использованных в работе, большой пласт составляют неопубликованные архивные документы. Из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) это документы фонда Коминтерна (ф. 495), из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) – фонды Посольства СССР в Ливане и Референтуры по Ливану (ф. 2). В Архиве ТАСС Института востоковедения РАН удалось обнаружить несколь-

ко папок с подборками информационных сообщений ведущих мировых агентств по Сирии и Ливану за 80-е – начало 90-х годов, которые помогли составить детальный событийный фон к исследуемым явлениям.

Архив современной истории Высшей технической школы Цюриха (Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich, AZGZ) любезно предоставил доступ к политическим донесениям (на немецком и французском языках) из Бейрута (за 1960–1965 гг.) посла Гвидо Киля, а также к очень информативным материалам газеты *Neue Zürcher Zeitung* по Сирии и Ливану за 1945 и 1954–1980 гг. Оба источника оказались чрезвычайно полезными для работы, поскольку содержат разностороннюю и подробную аналитику событий в Ливане и Сирии. Практически не введенными в научный оборот оставались оцифрованные документы Швейцарского федерального архива в Берне (Schweizerisches Bundesarchiv) по Сирии, Ливану и ближневосточным делам, и в работе они широко использованы.

Весьма полезными для исследования оказались предоставляемые по подписке интернет-архивы документов Палаты лордов (UK House of Lords) и Палаты общин (UK House of Commons) британского Парламента. В них богато представлены различные мнения по событиям в Сирии и Ливане дипломатов, а также авторитетных и опытных деятелей, хорошо знакомых с ближневосточными делами.

Многие из цитированных в работе документов американского Государственного департамента, касающиеся сирийского и ливанского направлений, опубликованы на подписном портале Цифрового архива национальной безопасности США (Digital National Security Archive, DNSA). Они дали бесценный материал для анализа многих событий, связанных со взаимоотношениями социальных сегментов Сирии и Ливана, их конфессиональных групп и политических сил. В документах, в том числе, детально изложены позиции по конкретным вопросам ведущих лиц американской внешней политики, разведывательных сообществ, министерства обороны и др., что существенно расширяет набор оттенков некоторых социально-политических явлений в Ливане и Сирии.

Из опубликованных документов стоит выделить также тома по Ближнему Востоку собрания материалов по американской внешней политике (Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers), выложенные частично в историческом разделе сайта американского внешнеполитического ведомства (US Department of State, Office of the Historian).

В источниковую базу исследования вошли также документы из опубликованных сборников, например, на русском языке: «СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы», «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов», на арабском языке: Аль-васаик аль-арабийя (Арабские политические документы) 1970–1979, Аль-‘ахд аль-ватани фи салас санават: 1944, 1945, 1946 (Трехлетний патриотический период) и другие.

Документы британского внешнеполитического ведомства (UK Foreign Office), касательно межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане содержатся в многотомном Кэмбриджском издании (Cambridge Archive Editions). Издание представляет собой подборки дипломатической аналитики по разным странам, в том числе по Сирии (Near and Middle East Records of Syria, 1918–1973), а также богатую коллекцию по ближневосточным религиозным общинам (Minorities in the Middle East: Christian minorities, 1838–1967; Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973).

Использованные в работе официальные документы, касающиеся жизни религиозных общин Сирии и Ливана, напротив, немногочисленны и относятся в основном к католическим общинам: сиро-ливанские униаты пользуются особым вниманием как главы Католической церкви, так и специальных церковных структур, в которых ближневосточные кардиналы-патриархи и епископы играют важную роль.

Интересные факты из истории сирийских и ливанских конфессий содержатся в уникальном франкоязычном досье Fiches du monde arabe (FMA), подобранном аналитиками информагентства «Аль-Машрик» в 1979–1986 гг. Эти материалы были любезно предоставлены автору востоковедом и дипломатом А.В. Вдовиным, служившим в 1970–80-х годах в Ливане и Сирии.

Историографию заявленной темы целесообразно увязать с выбранной автором методологией, а потому – начать с упоминания востоковедов, выработавших общие подходы и конкретные идеи, позволившие приблизиться к сложнейшей проблематике межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане.

В своих подходах к социально-политической истории Сирии и Ливана автор основывался в наибольшей степени на разработках старших коллег по Институту востоковедения РАН И.М. Смилянской и Б.Г. Сейраняна, которые делали упор на социальной стратификации (вертикальной) и религиозно-общинной сегментации (горизонтальной) восточных обществ.

Ценные идеи по вопросам исторического знания и методологии истории почерпнуты автором из работ историков-классиков Н.И. Кареева, В.Б. Луцкого, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа и др.

Из общетеоретических работ, применимых в нашем историческом исследовании, стоит выделить также труды Л.Б. Алаева, А.В. Коротаяева, Н.Н. Крадина, Дж. Агамбена, Ж. Бернаноса, Дж. Гуди. Отдельный блок составляют статьи и книги ученых, разрабатывавших варианты депривационной теории, позволившие привнести в оценку межконфессиональных отношений как общественных явлений социологический элемент: Т.Р. Гарт, Ф. Crosby, Th. Pettigrew, E. Sayre, Q.T. Stewart.

О религиозном факторе в мировой политике, а также цивилизационном измерении процессов в конфессиональных сообществах пишут такие

авторы, как А.И. Яковлев, И.Д. Звягельская, Д.Б. Малышева, Г.И. Мирский, Ж. Корм, М. Эспань, J. Milbank,

О наблюдаемом в мире процессе десекуляризации и связанной с этим поворотом напряженностью в международных отношениях пишет И.В. Следзевский; проблемы постсекуляризма освещают в своих работах В.А. Кузнецов, А. Мегилл, D. Byrd.

Целый ряд работ по исламу в социально-политическом аспекте принадлежит перу В.В. Наумкина, ценные исламоведческие работы были написаны С.Х. Кямилевым и Т. Ибрагимом. Из научных трудов по мусульмано-христианским взаимоотношениям на Ближнем Востоке следует выделить работы А.В. Журавского, К.А. Панченко, J. Chamie, K. Zebiri и др.

Об эволюции социально-экономической структуры Сирии в связи с межконфессиональными отношениями и религиозно-политическом экстремизме в этой стране пишут российские востоковеды А.О. Филоник, И.А. Матвеев, а вопросам развития ливанского общества посвящены работы С.А. Воробьева, Н.А. Беренковой, А.А. Кузнецова. В настоящее время на русский язык переводится новая работа на эту тему о Ливане Х.А. Абу Зейда. Большое внимание экономической либерализации и политэкономии уделял в своих работах R. Hinnebusch, в то время как анализ общественных процессов под экономическим углом зрения оценивал весьма осведомленный эксперт G. Murray.

В партийно-институциональном ключе рассматривала сирийское общество Э.П. Пир-Будагова, что для определенного этапа истории Сирии оказалось весьма плодотворным. Сходный подход демонстрировали N. Van Dam, P. Seale, F. El Khazen, оценивая многие процессы в Сирии через партийную и политическую борьбу. Сквозь призму региональной конкуренции писал о сирийской политике С.А. Иванов.

О панисламизме и халифатизме на Ближнем и Среднем Востоке пишут В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин, И.Д. Звягельская, Р.Г. Ланда, С.А. Кириллина, В.В. Орлов, А.Л. Сафронова, Д. Аль-Бизри, Ch. Lister, Gilles Kerel и многие другие.

Вопросы отношений между религиозными общинами и конфессиями в целом освещают в своих работах В.М. Ахмедов, В.Я. Белокреницкий, А.В. Демченко, Б.В. Долгов, В.В. Орлов, Н.М. Мамедова, И.В. Рыжов, Е.М. Савичева, А. Beydoun, L.-H. De Var, Th. Hanf, А.Н. Hourani, Ch. Nahas, R.G. Rabil, B. Salloukh. Широкий социальный фон межконфессиональных отношений в Ливане дает в своих книгах историк М. Дагер из Ливанского университета. Вопросы влияния племенного фактора на социально-политические процессы в Сирии освещает ученый из британского Университета Сент-Эндрюс Х. Духан.

О конкретных ближневосточных религиозных общинах пишут арабские, отечественные и западные исследователи. Серьезное исследование

ливанских суннитских семей в их взаимоотношениях с представителями других конфессий опубликовал М. Johnson, а важную тему роли суннитского ислама в ливанской политике осветил Е. Mortimer. Угрозу для суннитского большинства и вообще для сдвига межконфессионального баланса в Сирии анализировал А. Хусейн. О шиитах Ливана писали очень многие авторы, среди которых М. Moosa, N. Nassif, R. Shanahan, M. Weiss. Об алавитях в распоряжении автора были работы таких историков, как В.Н. Саутов, М.Х. Бадиани ан-Нисабури, А.А. Аль-Ибрахим, Т. Ахмад, А. Аль-Харири, М. Аш-Шариф, Х. Усман, М. Kramer, Y. Friedman и др. Из работ по друзской общине следует выделить авторов: N. Abu Izzeddin, A. Bennett, K. Firro, J.P. Harik, Y. Hazran, F.I. Khuri, S.N. Makarem. О маронитах на русском языке имеется книга М.А. Родионова и А.В. Сарабьева, на европейских языках о маронитах писали такие авторы, как S. Baroudi, P. Tabar, S. Haddad, A.D. Henley. О Маронитской церкви в истории Ливана много пишет глава Маронитского ордена, аббат Б. Нааман (Университет Св. Духа в Каслике, Ливан). Православным арабам посвящены работы М. Семаан (Дэйви), а яковитам – Р. Муаввад (Джабер), ливанских профессоров, соответственно, Баламандского и Ливано-Американского университетов.

Особняком стоят книги и статьи опытных политиков, дипломатов и журналистов, которые, будучи вовлеченными во многие политические процессы в исследуемых странах, трезво оценивали ситуацию в сирийском и ливанском обществах и отражали ее в своих работах. Таковы, в частности, ливанские авторы, экс-президенты Пьер Жмайель и Камиль Шамун, известный политик Керим Пакрадуни, британский дипломат I. Lucas, журналисты И.В. Тимофеев, Т. Petran и, конечно, работавший многие годы на Ближнем востоке крупный ученый и государственный деятель Е.М. Примаков.

Перечисленные авторы научных работ внесли большой вклад в изучение обозначенной проблематики, что позволяет получить представление о степени разработанности проблемы, вынесенной в заглавие.

Автор хотел бы поблагодарить коллег-арабистов Института востоковедения РАН, где ему в свое время удалось пройти докторантуру, возглавляемую И.Х. Миняжетдиновым, и в первую очередь выразить свою благодарность сотрудникам Центра арабских и исламских исследований, особенно руководителю ЦАИИ В.А. Кузнецову, коллегам В.И. Бартеневу, Б.В. Долгову, И.А. Матвееву, Е.С. Мелкумян, Д.Е. Мишину, В.В. Орлову, Н.Г. Романовой, Б.Г. Сейраняну †, С.Н. Сереброву, И.М. Смилянкой †, К.М. Труевцеву, А.О. Филонику, А.И. Яковлеву. Неоценимую помощь в работе оказали также консультации заслуженных отечественных востоковедов, коллег по ИВ РАН, профессоров Л.Б. Алаева, Р.Г. Ланды † и Л.И. Медведко. Многие в научном плане дали автору беседы с опытными дипломатами, Чрезвычайными и Полномочными послами России в странах региона А.В.

Вдовиным, В.И. Колотушей †, А.Б. Подцеробом, В.В. Поповым, К.В. Шуваловым.

Автор берет на себя смелость считать своим научным наставником многолетнего директора Института востоковедения РАН, а затем Научного руководителя Института, академика В.В. Наумкина – непревзойденного знатока истории и политических коллизий Ближнего Востока. Поддержка со стороны В.В. Наумкина словом и делом – научными консультациями и помощью в организации командировок по арабским странам и международным арабистическим форумам – стала для автора неоценимой.

Особенные слова благодарности автор приносит опытнейшему российскому востоковеду – ученому и практику, на протяжении десятилетий работающему с партнерами, в том числе, в арабском мире – В.Н. Саутову. Поддержку с его стороны автор ощущает на протяжении всего периода работы над диссертацией и подготовки научных статей по теме: помимо его научных консультаций по вопросам религиозных меньшинств Ближнего Востока, это еще и возможность ездить в краткосрочные командировки в Ливан, которые обеспечивает В.Н. Саутов (при содействии советника Президента Ливана Амаля Абу Зейда). В ходе состоявшихся визитов удалось провести множество встреч с представителями ливанского духовенства и ученого мира, что очень обогатило научный багаж автора, задействованный в исследовании. Изданию своей работы по теме ближневосточных конфессий – книги «Марониты: традиции, история, политика» (2013, в соавторстве с профессором М.А. Родионовым), а также организацией ее перевода на английский язык и издания в Бейруте, автор также обязан В.Н. Саутову.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Поставленные автором задачи и выбранный методологический подход определили структуру диссертационного исследования. Оно состоит из введения, четырех глав, подразделенных на подглавы, и заключения. Как общетеоретические разделы, так и конкретно-исторический анализ (содержащийся особенно в третьей и четвертой главах), подчинены генеральной цели – установить причины проблем в области межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане, чтобы внести посильный научный вклад в изучение темы, имеющей несомненное практическое звучание.

Во **Введении** к диссертации определяется общая проблематика, обосновывается выбор темы, формулируются цель и задачи, определяется новизна и значимость представленного исследования. Первоначальная постановка проблемы включает в себя обозначение общемировых тенденций, на фоне которых разворачивается религиозный активизм, ставший одним из острейших факторов межконфессиональных отношений. Показаны противоречивые подходы к явлениям сегодняшнего дня и истории ближневосточных стран, которые подразумевают важность обращения к теме межконфессиональных отношений. Далее раскрывается актуальность исследования вопроса в применении к Сирии и Ливану, особенно ввиду активного вовлечения нашей страны – прежде всего, в сфере военной помощи в борьбе с экстремизмом и поддержании режимов прекращения огня в зонах эскалации, а также участия в долгосрочных экономических проектах, направленных на восстановление экономик Сирии и Ливана. Сформулированная научная цель исследования сопровождается задачами, выполнение которых необходимо для ее достижения. Подробно изложена теоретико-методологическая база исследования, а также обоснованы хронологические рамки исследования. Новизна исследования выводится из предложенного автором комплексного подхода, включающего, помимо распространенного в исторической науке историко-генетического принципа, также элементы социологических теорий, и из тематического охвата – комплекса сопряжений между собой широкого набора конфессиональных общин (социальных сегментов).

Обзор многочисленных источников, задействованных в работе, изложен по их группам – от неопубликованных архивных документов, до опубликованных в электронном и печатном виде. Многие из документов впервые вводятся в научный оборот, причем не только в отечественном, но и мировом востоковедении. Историкографический обзор представляет собой характеристику поднимаемыми отечественными и зарубежными востоковедами тем, связанных так или иначе с заявленной темой работы. Научная проблематика перечисленных ученых охватывает ее с разных сторон, включая социальный и социально-психологический, религиозоведче-

ский, политический, экономический, идеологический и международный аспекты.

Первая глава *«Религиозно-конфессиональный фактор социально-политических изменений: вопросы методологии»* посвящена общетеоретическим вопросам, где оцениваются взгляды на взаимоотношение конфессиональной идентичности, религиозного активизма и изменений в социально-политической сфере. Вначале обозначаются проблемные области в методологии, которые заставляют по-новому ставить вопросы, связанные с конфессиональным фактором. В подразделе «Сдвиги в ближневосточных обществах в конфессиональном аспекте» обозначаются социальные изменения на Ближнем Востоке, диктующие необходимость уточненной постановки вопросов. К этому подталкивают, в частности, менявшиеся внешнеполитические ориентиры основных конфессиональных общин и углублявшаяся с течением времени дробность задач среди членов конфессий в зависимости от страны проживания. Актуальность такого уточнения или даже пересмотра проблематики обуславливают следующие соображения. В регионе набирает силу роль негосударственных акторов, включая транснациональные организации религиозного толка. Имеют место попытки силового переформатирования национальных государств Машрика (Сирия, Йемен); находятся влиятельные силы, поддерживающие сецессионизм в странах Леванта; изменяется место в общерегиональной повестке дня арабо-израильского противостояния. Многие прежние оценки, отличавшиеся высокой степенью генерализации, по ходу социально-политических сдвигов перестали адекватно отражать реальное положение дел, и внимательные наблюдатели (как независимые ученые, так и зарубежные аналитические центры, ответственные за выработку стратегий) уделяют все больше внимания как личной религиозной идентичности, так и ощущению общности членов конфессиональных общин Леванта. Этому посвящен и следующий подраздел главы «Ближневосточная религиозная идентичность как субъект и объект изменений». Конфессиональная идентичность левантийцев густо замешана на самовосприятии в смежных планах – клановом, племенном, этническом и др., и именно в таком смешанном виде становится серьезнейшей движущей силой социальных течений, политических механизмов, вооруженного сопротивления, а иногда и субстратом для продвижения политических идеологем и столкновений на поле политики. Логика этих взаимосвязей подводит к переходу от вопроса конфессиональных факторов трансформаций в Леванте к вопросу о факторах конфессиональных трансформаций. Постепенные сдвиги происходят на уровне идентичности членов общин, подстегивают разбалансированность социальных отношений. Незаметные на первый взгляд изменения на социальном микроуровне вызывают сдвиги в сознании членов традиционных обществ. Область межконфессиональных отношений обнаруживает наиболее яркие в этом отношении проявления, которые оказываются следствиями сдвигов,

происходящих на элементарном, человеческом уровне общества, основанного на традиции. Подраздел «Перцепция и логика конфессиональной проблематики Ближнего Востока» поднимает вопрос распределения властных полномочий в ливанских обществах с отчетливо конфессионально окрашенными социальными сегментами. Несмотря на текущие изменения религиозно-культурной составляющей идентичности населения, система конфессионализма остается действенной в Ливане, тогда как в Сирии конфессиональные квоты можно выявлять как теневые, неявно присутствующие в условиях светской демократии в обществе с отчетливыми составляющими его сегментами. Следующие три подраздела посвящены общему взгляду на протестные явления и активизм с религиозной окраской. Это явления, напрямую определяющие межконфессиональные отношения, но на уровне социально-политическом (не социокультурном). Протестные явления имеют общую основу недовольства, но в своих проявлениях наиболее легко обнаруживают претензии к согражданам-инверсам, находящимся в ином, якобы более выгодном положении. Механизмы подобных претензий были выявлены учеными, применявшими варианты депривационной теории. Ее основные положения приводятся в связи с обозначенной темой, и сквозь призму этой теории оцениваются на протяжении всей работы межконфессиональные отношения в Ливане и Сирии.

Глава вторая «*Коренные сдвиги в сирийском и ливанском обществах (40–60-е годы XX века)*» содержит анализ исторических явлений, в которых наиболее рельефно отразились межконфессиональные отношения и которые сами повлияли на их динамику во второй половине XX века. Эти явления начали проявляться в момент завершения французского мандата в обеих странах к середине 40-х годов и продолжали наблюдаться вплоть до конца 60-х годов. Первый подраздел и посвящен «наследию» мандатного периода в сфере межконфессиональных отношений – судьбе тех социальных тенденций, что получили свой старт еще при французской администрации. Социальные явления в Сирии и Ливане, сопровождавшие исторические события победы над фашизмом и предшествовавшие полному выводу иностранных контингентов (французского и британского), анализируются в подразделе «Сплачивающее влияние Победы сквозь конфессиональные разделения». Они являются примером главенства национального уровня идентичности (*ватанийя*) по отношению к религиозно-общинному (*таифийя*) в периоды консолидации сил против общего внешнего раздражителя или противника. «Ожидания и реалии мусульманохристианских отношений» в означенный период анализируются не только в конкретно-историческом ключе, но и в оппозиции «ожидания / возможности» депривационной теории. В этом случае анализ делается не на индивидуально-психологическом, а на уровне социальных групп – локальных конфессиональных общин. Их повестка менялась в зависимости от региональной и общемировой ситуации, а поэтому втягивание Ближнего Восто-

ка в противостояние «холодной войны» не могло не сказаться и на этой повестке. Не только влияние Советского Союза, но и широкое распространение марксистских идей разных толков по всему миру способствовало дальнейшему отходу религиозных аргументов в политической конкуренции в Ливане и Сирии и выходу на первый план арабского социализма, насеризма и причудливых комбинаций национализма и левых идей. Эти процессы показаны в подразделе «Маргинализации конфессиональной проблематики на волне идеологии». Будучи уникальными в истории в смысле своей интенсивности, они не исключали все же религиозного фактора, который проявлялся подспудно в виде конкуренции, например, конфессиональных групп в правящих кругах в Сирии и Ливане в 50–60-е годы. Тем временем, социальное развитие религиозных общин в обеих странах не было однородным (в силу разных условий, и в первую очередь – разных условий ареалов проживания, их доступности, степени урбанизации и т.п.). В заключительной части главы некоторые из доступных социальных показателей на тот момент позволили оценить неравномерность динамики социально-экономического развития общин и их демографии, что не могло не отражаться на их взаимоотношениях.

Глава третья *Межконфессиональные отношения по основным границам (третья четверть XX века)*. Конкретное рассмотрение исторических явлений в Сирии и Ливане по периодам начинается с подраздела «Межконфессиональные зоны напряжения и внешние запускающие механизмы», где определяются проблемные участки социальных отношений между конфессиональными сегментами сирийского и ливанского обществ. В Ливане до самого начала Ливанской гражданской войны целесообразно говорить именно о межобщинных зонах напряжения, выступающих в качестве предконфликтных условий. В Сирии эти зоны также выявляются по степени противоречий между конфессиональными кругами во власти и уровню претензий рядовых членов общин к действиям представителей соседних общин. Разбираются причины проблем, во-первых, отношения мусульман к христианам, где подчеркивается весомость идеологической составляющей межобщинных противоречий и роль внешнего фактора; во-вторых, накалявшихся маронитско-мусульманских взаимоотношений, где сыграла роль прозападная ориентация влиятельных кланово-клиентельных кругов христиан-униатов, помноженная на устойчивое представление мусульман об исторической вестернизованности сограждан-христиан и разный уровень социального обеспечения; в-третьих, подъема политических позиций алавитской общины Сирии и связанных с этим проявлений недовольства представителей иных конфессий, при том, что рядовые члены самой алавитской общины мало выигрывали от такого положения дел, оказавшись в уязвимом положении в окружении суннитского большинства; в-четвертых, политической активности друзей, которые в Ливане действовали в основном в поле прогрессистской партии, а в Сирии – как влиятель-

ные круги военной верхушки. Следующие два подраздела «Ливанские мусульмане в системе гражданских взаимоотношений» и «Сунниты Сирии: парадоксы социального большинства» посвящены положению мощных суннитских общин Сирии и Ливана, опиравшихся на свое доминирующее положение вообще в арабском мире. В Ливане сунниты действовали в политике в означенный период не только отдельно (например, партия Наджда), но и вкуче с шиитами, которые долго не имели самостоятельных организаций. В Сирии относительно слабая в социально-экономическом плане община алавитов выдвинула в силовые и партийные структуры ПАСВ своих ярких представителей, которые оказались среди лидеров переворотов 1963 и 1966 гг., а затем успешно закрепились во власти, постепенно вытесняя и суннитов, и друзов. Эти и другие важные общественно-политические явления анализируются в подразделе «Вопрос алавитского лидерства». К указанным явлениям примыкают и факты политической конкуренции друзов, которые в Сирии входили в верхний эшелон офицеров-баасистов, пришедших к власти во второй половине 60-х годов, тогда как в Ливане активизм друзов шел совсем иным путем. «Неоднозначные пути консолидации друзов» оцениваются по-отдельности в Сирии и Ливане, где они контрастировали по способам политического действия: ливанские друзы демонстрировали сильную приверженность клиентельным связям с ведущими родами Джумблатов и Язбеков, отстаивая свои политические позиции через партии, а в Сирии друзская община была представлена членами надконфессиональной партии и госструктур, сохраняя теневые рычаги воздействия. Научная проблема маронитского активизма, привлекающая к себе столько внимания, ставится в подразделе «Марониты на гребне волны идеологического противостояния» и рассматривается в комплексе факторов, где религиозно-конфессиональный оказывается далеко не первостепенный. Тому подтверждением множественность убеждений маронитов – от арабизма (например, президент Шихаб или патриарх Меуши) и ливанского национализма, до финикизма и «политического маронитизма». Но основным историческим фоном активизма маронитов стал подъем марксистских течений, а также густо замешанная на идеологии и исламизме палестинская проблема, ставшая острым дестабилизирующим фактором для ливанского общества особенно после 1970 г.

Глава четвертая *«Религиозная проблематика в изменившихся условиях ливанского субрегиона (последняя четверть XX века)»*. Подраздел «Конфессиональное звучание Ливанской гражданской войны» посвящен важнейшему периоду истории Ливана, в котором межрелигиозные отношения проявились наиболее заметно, но были тесно вплетены во взаимоотношения политических партий, идеологических течений, экстремистских религиозно мотивированных групп, были вынуждены пройти через неоднократные периоды внешней военной агрессии и присутствие нескольких миротворческих контингентов. Вычленение религиозного факто-

ра в этих многообразных явлениях идет в русле выявления недовольства разных конфессиональных групп своим недостаточно благоприятным положением в сравнении с ожиданиями (относительная депривация). Проходившие на протяжении всего периода перегруппировки конфессионально маркированных политических сил демонстрировали важнейший механизм принятия политических решений в Ливане – «консоциацию». Тем самым, в ходе войны закрепился консоциальный характер ливанской демократии и конфессионализм как его характерная черта. Таифские соглашения, завершившие период гражданского противостояния базировались фактически на тех же основаниях. В тот период обострилась и проблема радикального исламизма, и подраздел «Социальные отношения в Сирии и Ливане в повестке исламистов-радикалов» посвящен противостоянию обоих социумов попыткам суннитских и шиитских радикальных групп закрепить свои позиции среди локальных сторонников исламского «призыва». Основной зонтичной структурой исламистов стала запрещенная организация Братьев-мусульман, имевшая давние исторические корни и транснациональная по своему характеру. Это явление характеризуется как противостояние национального надрелигиозного принципа общественной организации конфессиональному политическому активизму, пример победы которого дал Иран своей Исламской революцией. Его победа теократической модели правления вдохновила некоторые круги шиитов и даже суннитов в Ливане и Сирии, которые пользовались в том числе материальной поддержкой иранцев для деятельности таких, например, организаций, как Амаль, а затем и Хизбалла. В подразделе «Соппротивление в шиитском исполнении: влияние на межобщинные отношения» оценивается явление, ставшее общерегиональным и имеющая сразу и национальную общерабскую составляющую, и религиозную – мусульманскую. Период 90-х годов демонстрировал дальнейшее закрепление принципа конфессионализма в ливанской политике и отчасти в сирийской. Развитие сирийского и ливанского обществ также обнаруживало высокую соотнесенность политического участия с конфессиональной принадлежностью, хотя межконфессиональные отношения характеризовались относительным спокойствием, обусловленным своего рода общественным договором, когда социальные сегменты делегировали центральной власти свои прерогативы в обмен на обеспечение общественной безопасности. Подраздел «Конфессионализм в социальном и политическом аспектах» вновь возвращает к явлениям, общим для Ливана и Сирии, хотя и с разной интенсивностью проявившимся в их истории и политической традиции. Конфессионализм остается явной и типичной чертой не только для Ливана, но подспудно присутствовал и в Сирии. Особенно в последнее время вопрос конфессионализма вызывает резкую реакцию населения в Ливане, тогда как в Сирии он ведет к протестным настроениям в связи с усилением шиитского политического влия-

ния. Это обстоятельство весьма актуализирует проблематику конфессионализма и вообще межконфессиональных отношений в XX в.

В **Заключении** подводятся выводы по всей работе в целом, а затем указываются перспективные, на взгляд автора, направления продолжения исследований истории межконфессиональных отношений на Ближнем Востоке, подходы и методы из других областей научного знания. Последнее может рассматриваться как самостоятельный результат, полученный в ходе исследования, который обогащает востоковедную науку, еще раз подчеркивая ее комплексный, междисциплинарный характер.

Представленный в диссертации исторический анализ межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане позволил установить основные причины их периодических обострений, доходящих до конфликтов и даже прямых столкновений.

Многовариантность конфликтных ситуаций между общинами, связанных с разностью вероисповедания, не позволяет, конечно, вывести универсальную формулу снятия противоречий и избегания конфликтов. Проведенное исследование дало возможность проследить генетическую связь внутренних общественных и внешнеполитических условий в разные исторические периоды с обострением межконфессиональных отношений в Сирии и Ливане. И эта взаимосвязь позволила установить причины (или порождающие факторы) проблем в этой области.

Непосредственному обострению взаимоотношений предшествуют какие-либо действия представителей соседних общин (их ведущих кланов или конфессиональных партий), которые подталкивают к желанию «восстановить справедливость», перераспределить некие блага так, чтобы ценностные ожидания социального субъекта (в данном случае, общины) пришли в соответствие с его ценностными возможностями, выражаясь терминами депривационной теории. То есть, складываются условия, способствующие впечатлению, что источник неурядиц определенной конфессиональной общины (например, низкого материального достатка ее членов, несправедливого распределения властных полномочий, доступа к ресурсам и др.) лежит за ее собственными пределами – в более якобы привилегированном положении и определенных действиях в свою пользу сограждан-иноверцев, составляющих другую религиозную общину.

В работе показано, что такие условия может создавать как вмешательство извне (со стороны соседних стран или же мировых держав), так и применение приемов конкуренции внутри политического поля страны или в ее экономической сфере. Поскольку большинство политических сил почти на всех этапах независимого существования Сирии и Ливана имели определенную конфессиональную окраску (в разной степени выраженную), то проявления недовольства носили, как правило, также признаки межконфессиональных напряжений.

К этому общему выводу подвели результаты решения промежуточных задач, поставленных в начале исследования. В частности, были определены основные этапы истории Сирии и Ливана и поворотные моменты, повлиявшие на обострение взаимоотношений между религиозными общинами или даже приведшие к конфликтам (столкновениям конфессионально-партийных ополчений или к «чисткам» во властных структурах определенных конфессиональных кругов). Удалось установить основные зоны напряжения взаимоотношений общин, рассмотрев их по-отдельности. Причем проблемы взаимоотношений были проанализированы по внутренним границам социумов – как между самими общинами, так и отчасти между группами, образованными поверх границ общин (например, политических объединений на основе светских идеологий). По отношению к разным этапам установлена степень влияния внутренних (экономических и политических, а также культурных и социально-психологических) и внешних факторов (конкуренции региональных держав, арабо-израильского вопроса, доминировавших тогда идеологических течений, интересов внешних сил).

Автор воспользовался приемом разделения на составляющие исторических фактов и сложных явлений (историческая деконструкция) в жизни независимых Ливана и Сирии в XX в. В общественном мнении уже устоялись характеристики некоторых из таких явлений как порожденных острой конкуренцией между конфессиями (например, Гражданская война в Ливане или многолетнее лидерство алавитов во властных структурах в Сирии), и автор, раскладывая на составные элементы представления об этих фактах и явлениях (то есть, подвергая деконструкции эти стереотипные «концепты»), сверяя их с документальными свидетельствами, приходит к заключениям, которые уточняют или, по крайней мере, расширяют эти представления. В ряде случаев дается собственная интерпретация известных исторических событий, связанных с многогранными взаимоотношениями конфессионально-маркированных групп в Ливане и Сирии. Она находит свое обоснование в документах той эпохи, а также – и это немаловажно – в забытых ныне оценках авторитетных современников (политических и религиозных деятелей, ученых), в то время как верификация интерпретации осуществлена автором с привлечением элементов депривационной теории.

В работе выявлена мера воздействия религиозного фактора в социальных отношениях в Сирии и Ливане на разных исторических этапах. Среди других внутренних и внешних факторов он оказывается в основном не самостоятельным, а тесно связанным с разными политико-экономическими обстоятельствами и действиями. Эта связь прослеживается на уровне рефлексии членов общин – установления ими соответствия между конфессионально-общинным уровнем идентичности и изменяющимися условиями. Если изменения условий не соответствуют представлени-

ям о благе общины, то на этом уровне возникающий психологический конфликт может порождать фрустрации (разочарования, ощущения обделенности, социальной несправедливости), ведущие или к апатии, или, напротив, к протесту и обострению отношений с согражданами-инверцами.

Большинство из сделанных на материале истории Ливана и Сирии заключений вполне применимы в своем общем виде к соседним ближневосточным государствам. Возможно, что некоторые наработки автора окажутся полезными и для анализа истории российского общества – многоконфессионального и многонационального, как и общества ближневосточные.

Автор надеется на продолжение исследований положения религиозных общин Сирии и Ливана уже в XXI веке, взаимоотношений общин и активизма конфессионально окрашенных кругов в современный период, тем более что метод деконструкции социально-политических явлений вкупе с депривационным анализом социального поведения на уровне сегментов (конфессиональных общин) дали свой результат. Их вплетение в исторический анализ позволило лишить силы стереотипные обобщения, сводившие проблемы сирийского и ливанского обществ к якобы имманентному социальному напряжению поликонфессиональных обществ вообще.

Учитывая возникающие в среде политологов идеи новой перекройки (reshaping) границ стран региона – по сути, ревизии колониального раздела территорий более века назад, – разоблачение подобных стереотипов может служить вполне практической цели, а именно – утверждению целостности ближневосточных государств в нынешних границах и обращению внимания на реальные социально-экономические проблемы населения, независимо от религиозной принадлежности.

В нынешнем веке активизм разных конфессионально-маркированных групп в Ливане и Сирии проявлялся по-разному. Чаще всего он связан со стремительно меняющейся общерегиональной повесткой и соперничеством держав на Ближнем Востоке, в том числе экономическом. Проигрывающей стороной неизменно остаются простые люди со средним и невысоким достатком, недовольство которых восходит на очередной виток – как в силу действующих социально-психологических (депривационных) схем, так и в силу совершенно объективного упадка уровня жизни, вплоть до крайнего обнищания (маргинализация среднего слоя). Ливанские протесты последних двух лет показали способность населения разных вероисповеданий выходить за рамки узких интересов их общин и объединяться на общенациональном уровне перед лицом угрозы разрушения экономики. Однако эта способность далеко не закалена, и опасность повторного разобщения (в том числе по границам религиозных общин) и взаимного ожесточения сохраняется.

Изучение межконфессиональных отношений на Ближнем Востоке, ввиду их многогранности и увязанности на большинство социально-политических проблем, судя по всему, будет продолжать набирать обороты. Сама многогранность отношений между общинами позволит ученым применять разные подходы, которые смогут высвечивать и разные аспекты проблематики. Можно уже сейчас предположить некоторые намечающиеся направления в исследованиях взаимоотношений религиозных общин Машрика или же отдельные теоретические элементы, вполне применимые в этой области.

Важное значение имеют попытки прояснения особенностей ближневосточных общин как социальных сегментов. Например, упоминавшийся выше ливанский социолог А. Бейдун применял в отношении Ливана изобретенное им понятие «общины-района» (*communauté-région*), в котором акцентировался локус определенной конфессиональной общины как определяющая черта образа жизни в определенном социальном (конфессиональном) окружении. Это понятие может оказаться плодотворным, поскольку, во-первых, отсылает к территориально-клановому характеру локальных общин (иногда даже в большей степени, нежели конфессиональному), а во-вторых, отражает мозаичную природу ближневосточного социума – цельную в своей исторической сложности и взаимосвязанности, природу, лишенную той имманентной «глубокой разделенности», которую некоторые политологи приписывают ему в перспективе якобы политической обреченности национального государства.

Весьма продуктивным оказывается привлечение инструментария социальной психологии, включающей проблематику трансляции религиозного опыта укорененного в авраамической традиции населения на социальные отношения. Разработка важных для нашей темы философских понятий – традиции, социальной инерции, религиозной культуры, а также психологического аспекта связи религиозной жизни с деловой активностью, политикой (в том числе формами политической борьбы и протеста) и идеологией – могут существенно расширить возможности для исследования религиозного фактора в ходе нынешних трансформаций обществ Ближнего Востока. Такой междисциплинарный подход (поддерживаемый, например, в новейших исследованиях профессора А.И. Яковлева), выводит анализ актуальных динамичных процессов в регионе на новый уровень, оставив в прошлом односторонние логические ходы политологов, обнаруживающие в основе недостаточный набор факторов и приводящие, следовательно, к плоским, не имеющим конструктивного применения выводам.

Продолжается разработка такого явления, свойственного в разной степени странам Ближнего Востока, как консоционализм, и этот вопрос признает важным и затрагивает в своих работах академик В.В. Наумкин. Один из эквивалентов этого понятия, «конкордизм», в свое время не прижился в истории и политологии. Он был введен еще в 1972 г. востоковедом

Максимом Родинсоном в его работе «Марксизм и мусульманский мир» и использовался в том же значении – принятии решения (соглашения) разными сторонами на основе компромисса.

В продолжение этой линии заметим, что если акцентировать внимание на вертикальных социальных отношениях, образующих кросс-классовые структуры конфессиональных общин, то с успехом может быть использован инструментарий неомарксизма. Во всяком случае, сириванские клиентельные сети в этом своем аспекте вполне описываются в рамках классового подхода, и тогда межконфессиональные отношения приобретают совершенно иное звучание – как изолированных по социальным уровням взаимоотношений сограждан. Такой подход был с успехом применен, в частности, вышеупомянутым М. Джонсоном, который отмечал устойчивость отношений «патрон-клиент» в ливанских социальных группах от президента к землевладельцам и далее – к авторитетам городских кварталов и потенциальным ополченцам из низов (*зу'ама, кабадаи, шабаб*) – устойчивости, создающей чувство общности (или даже общины) в классово разобщенном социуме. Общее вероисповедание становилось в этом отношении важнейшим, но не единственным фактором консолидации вертикальных групп. Консоционализм (или конкордизм?) в таком случае выступает производной от воли к компромиссу высших слоев общества, его клиентельных ядер. Так что межконфессиональные отношения вполне обоснованно низводятся при таком подходе до одного из аспектов социальных связей, безотносительно вопроса вероисповедания.

Незаслуженно обойденным вниманием является огромный пласт разработок в области теории социальных движений. Эта методологическая парадигма с успехом применялась к разным сообществам арабского мира, например, магрибинским и египетским исламистам, и в частности, Чарльзом Курцманом. С учетом транснациональной боевой активности многих ближневосточных исламистских групп, видимо, назрела потребность применения этих теорий к странам Машрика.

В качестве весьма перспективного подхода к описанию межконфессиональной конкуренции и даже конфликтности может быть предложен миметический метод. Глубокий антрополог и религиовед Рене Жирар выносил конкуренцию социальных групп в область символического. Эта теоретическая посылка оказывается особенно работающей в применении к активизму сегментов, действия которых обусловлены религиозным сознанием. Миметический метод может, под своим особым углом зрения, описывать конкуренцию (в том числе политическую) конфессиональных общин. Казалось бы, далекий от практики подход способен, тем не менее, служить поиску гармонизирующих решений. В частности, миметическая деконструкция логически приводит к целесообразности выявления общего объекта сопротивления, снимающего на время внутреннее социальное напряжение (миметическое соперничество). А это значит перенесение акцентов

анализа с внутренних и особенно внешних конфликтогенных факторов на внешние объекты коллективного действия социальных сегментов, доказавшее в истории свое консолидирующее влияние на общегосударственном уровне.

Очень существенным следует признать социокультурное направление исследований межконфессиональных отношений. Речь идет не столько о сравнительном анализе общинных культур и возможности сближения их политических аспектов, сколько об общенациональных трендах развития политической культуры, форматах их демократической регуляции. Интересные идеи в этом направлении продвигал отечественный философ и культуролог В.А. Подорога, определяя политическое как относящееся более всего к «стратегии знания». Особенно актуально такое направление получает в связи с небывало широкой протестной волной в Ливане 2019–2020 гг., фактически захлебнувшейся под разобщающими действиями «традиционных» (конфессиональных) ливанских партий. Основное требование протестующих – деконфессионализации ливанской политики – было не в последнюю очередь нивелировано стратегией «нового знания» (форматирования информационно-коммуникативного пространства), позволившей политической культуре остаться на прежних «консоциальных» позициях, а старому политическому клубу сохранить свои активы.

Развивающиеся в XXI в. явления в сирийском и ливанском социумах продолжают нуждаться в пристальном внимании к межконфессиональным отношениям. Их анализ может осуществляться в подмеченных или каких-то иных направлениях, но должен вестись вкупе с процессами в смежных областях общественной жизни – политической, культурной, идейной, экономической и, конечно, религиозной, что особенно востребовано в связи с усилившейся интернационализацией и экуменизацией ближневосточных конфессий. Продолжение же исследований нашей темы в историческом ключе насущно и, по всей вероятности, будет оставаться высоко актуальным в ближайшей перспективе.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 68 научных работах, в том числе в монографиях:

Сарабьев А.В. *Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?* / отв. ред. В. В. Попов; Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир»; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 264 с. ISBN 978-5-89282-742-3

Родионов М.А., Сарабьев А.В. *Марониты: традиции, история, политика* / рук. проектом В.В. Наумкин; отв. ред. В.Н. Саутов и А. Абу Зейд; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2013. 500 с. ISBN 978-5-89282-521-4

Перевод книги на англ. яз. “*Maronites: traditions, history, politics*” издан в Бейруте (Ливан) в 2019 г.

Сарабьев А.В. *Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)* / отв. ред. В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2012. 324 с.: ил., карты. ISBN 978-5-89282-507-8

и следующих индивидуальных статьях автора в периодических изданиях из списка ВАК:

1. Христиане Ближнего Востока на Западе: проблемы самоидентификации // *Азия и Африка сегодня*. 2007, № 5. С. 70–74.
2. А.Е. Крымский: специфика научного познания Арабского Востока // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2010, № 5. С. 112–120.
3. Ливан начала 1950-х гг. Глазами русских эмигрантов-антикоммунистов // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2015, № 4. (В соавт. с А.В. Антошиным).
4. Ближневосточные поликонфессиональные общества под угрозой исламистских проектов (к постановке проблемы) // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2016, № 1 (33). С. 50–55.
5. Политическое участие христиан Ливана: амбиции, возможности и реалии // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016, № 4. С. 132–141.

6. Игра на межконфессиональных противоречиях: «вольтова дуга» сквозь столетие. Часть 1. Отзвуки «Сайкс–Пико» или наследие мандата? // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2016, № 3 (9). С. 208–218.
7. Игра на межконфессиональных противоречиях: «вольтова дуга» сквозь столетие. Часть 2. Межконфессиональные отношения в свете возможных новых переустройств Ближнего Востока // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2016, № 4 (10). С. 189–200.
8. Локальное отражение глобальных течений: Сирия и Ливан на идеологическом рубеже (начало 60-х гг. XX в.) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017, т. 10, № 2: «Ближний Восток: на пути к новой политической реальности». С. 81–96.
9. «Мандатная держава оставляет за собой лишь право руководства...»: конфессиональная политика в решении колониальных проблем Сирии и Ливана (1920-е гг.) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017, № 6. С. 18–28.
10. Трансформация ливанской уммы в 50–60-х годах XX века: оценки западных дипломатов // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017, Т. 159, кн. 6. С. 1541–1555.
11. «Ориентальные» Церкви Леванта и Месопотамии в условиях продолжающейся социальной фрагментации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018, № 4. С. 150–168.
12. Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018, № 5. С. 77–87.
13. Меняющиеся очертания Ближнего Востока сквозь призму межконфессиональных отношений: теоретический аспект // *Вестник Российской академии наук*. 2018, том 88, № 12. С. 1122–1130. = Sarabiev, Alexei. The Changing Shape of the Middle East through the Prism of Interfaith Relations. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018, Vol. 88, No. 6, pp. 502–508.
14. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019, № 12(4). С. 89–112.
15. Ближневосточная шиитская дуга: реальная угроза или геополитическая химера // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2019, № 3. С. 39–64.

16. Теоретические наработки и перспективы изучения социальной инерции // *Новое прошлое* (ЮФУ, Ростов-на-Дону). 2019, № 3: Дороги, которые мы выбираем. С. 128–144.
17. Заря исламистской проблематики Ближнего Востока: «Магометанское братство» в Сирии в начале XX в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2019, Т. 12. № 3. С. 665–688.
18. Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019, № 4: Исторические корни современных трансформаций: из XX века в XXI. С. 183–208.
19. Протестная волна и контрмеры страха: ливанский акт мировой драмы // *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2020, № 2. С. 164–192.
20. Высокая миссия в Сирии и Ливане: Россия и левантийские православные // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2020, № 1. С. 98–116.
21. Социальная инерция: методологический потенциал понятия для изучения традиционных восточных обществ // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020, № 2. С. 41–54.
22. Сирийский контингент в Ливане: документальная интерпретация начала // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021, № 2. С. 134–147.

а также в главах коллективных монографий и научных сборников:

1. Ливан // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 338–356.
2. Российская дипломатия в Бейруте в первые годы XX в. (по материалам консульских донесений) // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки: материалы VII конференции; отв. ред. Б.Г. Сейранян*. М.: ИВ РАН, 2012. С. 332–341.
3. Сирия: будущее этноконфессионального баланса // *Год планеты: ежегодник*. Вып. 2013 г.: экономика, политика, безопасность / ИМЭМО РАН. М.: Идея-Пресс, 2013. С. 82–93.
4. Халифатисты versus «национально-ориентированные» исламисты: к постановке проблемы // *Нации и национализм в мусульманском мире (на примере Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, этнического*

- Курдистана, соседних стран и регионов). М.: ИВ РАН, 2015. С. 130–144.
5. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I, 2017. С. 126–180.
  6. Религиозный фактор в социально-политическом измерении // *Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: (Коллективная монография) / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. (При участии Н.А. Беренковой). С. 332–397.*
  7. Хмурый рассвет независимости в отблесках Победы: Сирия и Ливан в мае–августе 1945 года // *Вторая мировая война и Восток: (Коллективная монография) / Отв.ред. и сост. Н.Г. Романова, Т.А. Филиппова; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. С. 226–255.*
  8. Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте. (Подготовка к публикации, перевод с французского и немецкого, комментарии А.В. Сарабьева) // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 328–353.
  9. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории // *Религия и общество на Востоке*. 2019, Вып. III. С. 85–136.
  10. Ливанский вариант ближневосточной демократии // *Ближний Восток в поисках политического будущего: (Коллективная монография) / Науч. ред. В.Г. Барановский и В.В. Наумкин, отв. ред. А.В. Сарабьев; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. С. 136–166.*